

Глава 24. Любит — не любит.

Счастьем было вновь и вновь вспоминать те минуты: она поправила ему кашне и затянула «молнию» на куртке, он поблагодарил её, а тут как раз мимо прошествовал Надин «крёстник» — кривоногий Макар Жерготов с таким преогромным рюкзаком на горбу, словно собрался на лыжах к полюсу. Они улыбнулись, но тотчас погасили улыбки, чтобы не смутить паренька. Это была тайна — их общая. Она словно сказала Аласову, поведя глазами вслед Макару: «Как видите, вернулся в класс, и ничего страшного». Он ей ответил: «Вот именно». И ещё раз улыбнулся. Так в далёкие времена улыбался ей юный Сэргэйчик.

И сладко и печально становится от этих воспоминаний. И горько порой: боже, какой малости она радуется как дитя! Сколь крохотны были её приобретения, эти «золотиночки», которые она день за днём собирает...

Немного пока собрала. Был здесь однажды пойманный в зеркале его выразительный взгляд: какая красивая! Была благодарность за дополнительные занятия, был тот безжалостно оборванный Кубаровым разговор... А история с Макаром Жерготовым в её «коллекции» — самородок. В прошлом году парня выпихнули из школы — после досадного случая с дурой Клеопатрой. Теперь Аласов по собственному почину разыскал Макара и снова привёл его в школу: Макар всё-таки закончил девятый класс, посещал вечернюю школу в райцентре, пусть продолжает учиться.

Учиться бедному Макару или не учиться — казалось бы, что ей до этого! Пустячная история. Но так уж повелось в их тайных, никому не ведомых отношениях: с виду мелочь, а для Надежды драгоценность, потому что связано это с Сергеем. Теперь стоит ей услышать фамилию Жерготова, как сердце сейчас же откликнется и память подскажет.

Она вышла тогда ранним утром из дому, направляясь в школу, вышла и ахнула: снег! После осеннего ненастья, после воя ветра, вокруг притихло всё и пошёл тихий снег — ласковый, умиротворяющий. Она словно пила это тихое умиротворение, шагая в школу по белому и хрусткому чуду, улыбаясь не зная чему. Сама посветлела, как мир вокруг.

В учительской Марфа Белолобская, прильнув к ней, шепнула: «Ах, Наденька, ты сегодня как девушка...» И даже Нахов, этот грубиян, строптивый, словно ель, которую волокут комлем вперёд, даже он попытался сказать ей нечто вроде комплимента. И тут она увидела, как в дальнем углу учительской разлюбезный её супруг крупно разговаривает с Аласовым: какое имел право Сергей «явочным порядком» привести Жерготова в школу? Привёл, и парень теперь ждёт за дверью окончательного решения завуча.

«Такие Жерготовы будут прыгать из школы в школу, а я должен благословлять их забавы?»

Аласов стоял, набычив голову, и явно не собирался уступать завучу. Назревал скандал.

Могла ли Надежда дать испортить такое волшебное утро первого снега!

«Нет, уважаемый Сергей Эргисович, просто я не знаю, что вам сказать, — говорил Тимир, разводя руками. — Из нашей школы Жерготов ушёл самовольно. И ещё вы должны учитывать — класс десятый, выпускной. Принять отставшего — значит ударить по общему проценту успеваемости! Нет, тут необходимо посоветоваться. Обсудим этот вопрос на педсовете».

«Верно! — рявкнул Нахов. — Я с прошлого года требую вынести вопрос о Жерготове на педсовет. Пора наконец разобраться!»

И вот тут-то сказала своё слово Надежда.

«К чему педсовет, друзья-а-а! — протяжно пропела она (ей самой понравилось, как она сказала это «друзья-а-а!»). — Мальчик Жерготов решением педсовета из школы не исключался, и педсовет тут ни при чём. Я его знаю, он способный, по математике быстро наверстаем. Уж коли пришёл, так пусть и отправляется в класс».

Нужно было видеть, с какой благодарностью взглянул тогда на неё Сергей. Так Макар Жерготов стал их общим «крёстником».

В то лыжное утро они улыбнулись разом, увидев Жерготова, а она — никто не заметил этого — любовно поправила Сергею кашне и затянула потуже «молнию» на куртке. Пять минут — драгоценная её «золотиночка». А потом, когда колонна лыжников спустилась вниз, она ещё долго смотрела Сергею вслед. И чувство у неё было такое, как у жаждущего, которому дали лишь прикоснуться губами к чаше. «Доколе же? — говорила она себе, — до каких пор будут одни лишь недомолвки, случайно оброненные словечки и улыбки, сколько ей жить крохами?» Однажды она уже отчаялась, решила спросить у него прямо: да или нет? Кубаров не дал им договорить... Серёжа, милый, услышь слова, которые я твержу про себя, повторяю, когда мы вместе в учительской, словно шаманский заговор: «Посмотри на меня. Посмотри на меня. Улыбнись мне...» А когда расходимся по домам, всякий раз прошу: подари мне, Сэргэйчик, улыбку на прощанье — она до завтрашнего утра будет греть меня... Если на самом деле глаза человека выражают мысль его и душу, то почему ты до сих пор не прочёл этого в моих глазах? Загляни в них хорошенько, прочти!

Надежда в сердцах пристукнула утюгом по столу. Надо, надо решать!

Размышляя таким образом, то пеняя Сергею, то упрашивая его, она вместе с тем ни на минуту не прекращала своих домашних хлопот — что-то строчила на швейной машинке, убиралась, принялась гладить бельё. Она любила эти мирные

домашние часы, когда школьные занятия уже позади и завершена каторжная проверка тетрадей. От домашних забот она никогда не уставала, были они для неё душевным успокоением. Под шипение утюга на сыроватом бельё или под ровный стрёкот швейной машины так хорошо думается!

В доме тишина, Тимира ещё нет из школы, сын сбежал в кино. Лира в соседней комнате готовит уроки, едва слышно мурлычет себе под нос: «Я всегда тебя помню»... Что за привычка, господи прости! За уроками непременно ей нужно что-нибудь напевать.

Я все-ег-да те-ебя по-омню,
Как мелькаешь ты в окошечке своём...

Надежда взяла рубашку мужа, очень тщательно, не пропуская ни шва, стала разглаживать. Странно, что Тимир запаздывает сегодня, не затащил ли его кто в гости...

Бывало, прежде в праздники, когда жёны возвращаются домой под руку со своими повеселевшими мужьями, лишь одни они, Пестряковы, бредут домой трезвые и усталые. В такие минуты Надежда иногда с тайной досадой подумывала: хоть бы Тимир уж выпил как следует, хоть бы от вина повеселел! Однако, когда в последнее время Пестряков стал всё заметней благоволить к рюмочке, Надежда быстро разочаровалась в таком способе увеселения жизни. Ничего хуже она и представить себе не могла.

Сорочка наконец выглажена, и Надежда лёгким движением набросила её на спинку стула. Но упал свет из окна, и на рукаве — вот беда! — явно обозначилась морщина. Может, на Тимире эта морщина и не будет заметна, но всё равно непорядок: муж любит только безупречно выглаженные вещи, да Надежде и самой приятно видеть, когда на муже всё аккуратно и чисто. Как живётся человеку в семье — об этом прежде всего скажет людям его одежда. А Сергей сегодня явился в школу с таким измятым воротником, что у Надежды сердце сжалось. Наверно, баба Дарья гладила, совсем уже слепая, бедняжечка, и старается, наверное, да не умеет. Если бы Надежда его рубашку погладила! Погладила, помогла бы надеть мягкий холодящий шёлк, прижалась бы щекой к его плечу.

Из комнаты Лире без всякого выражения:

Я все-егда-а те-ебя по-омню...

Вот уж действительно: я всегда тебя помню... За годы жизни с другим она никогда не расставалась с Сергеем. В любом случае мысль всё равно повернёт к нему, — так горячая кровь, совершив круговорот, снова и снова возвращается к сердцу.

— Мама, палёным пахнет! — крикнула Лира.

Надежда схватила утюг. На сорочке, на видном месте, остался отчётливый след.

Раздосадованная, она сгребла приготовленное для утюжки бельё, швырнула на кровать и ничком упала на него. За что ей такая мука!

Я все-егда-а тебя по-омню-ю...

Надежда забарабанила кулаком в стену.

— Эй, хватит! Перестань сейчас же...

Но оттого, что усмирила дочь, легче не стало. Ничего нельзя поделывать, совсем ничего!

Как можно: замужней женщине целыми днями размышлять о чужом мужчине! А что страшного? Иные не то что думают — делают невообразимое, и при этом ходят, не опуская глаз. Зачем противиться себе самой? Не лучше ли отдаться во власть потока — уж к какому-нибудь берегу да прибьёт. Значит, продолжать всё так же ловить его взгляды, искать нечаянных встреч, придумывать, как лишний раз ввернуть в разговоре злосчастного Макара или пятёрки Кудайсова, опять как бы невзначай приставать к почтальонше Галине: «Что-то у тебя сумка толстой стала, уж не новому ли нашему учителю Аласову поклонницы пишут?» Терзаться, сходить с ума — сколько это выдержишь?

Как-то на днях совершенная уже нелепость приключилась, рассказать бы кому! Бог знает с чего вдруг ударило в голову: я сижу сейчас дома, а он в школе, кружок у него. Может, отпустил ребят, остался один в пустой учительской, надеется — а вдруг она заглянет. Он ждёт её там, а она сидит дома! Так явственно это представилось, что, не давая себе отчёта, она мгновенно оделась, что-то сказала своим и побежала к школе: милый, погоди ещё минутку, я лечу к тебе!

Конечно, никого в школе не было. Натыкаясь в тёмном коридоре на скамьи, она ощупью добралась до учительской, зажгла свет. Долго и бессмысленно стояла, вслушиваясь в тишину большого здания, и вдруг заметила ещё сырые отпечатки чьих-то ног у дверей. Его ног! Ждал и не дождался...

Пошатываясь, как больная, вышла она на воздух. Ждал и не дождался! Что бы тебе поторопиться чуток, хоть бы на полчаса раньше!

Стояла ясная ночь. В свете луны избы слились с белизной снега, но чёрные их тени ложились поперёк пути. Дыхание застывало, шуршало, как сухая трава. Вдруг стеклянный скрип чьих-то поспешных шагов — Надежда вся напряглась: оказалось, мальчишка пробежал к интернату, зажав руками уши.

Она пошла по улице, всё ускоряя шаг. Ресницы опушило, она едва различала дорогу. Наконец остановилась — перед домом Аласовых. Сами ноги сюда привели.

Дом Аласовых! Порог любого дома в Арылахе она могла переступить просто. Но сюда, где когда-то была желанной гостьей, она войти не могла.

«Деточка, доченька», — звала её баба Дарья.

Получив от сына треугольничек с фронта, старушка терпеливо ждала Надежду, не распечатывала, только ей одной доверяла. Когда письмо приходило Надежде, она бежала с ним к бабе Дарье. Читая, отдельные строки опускала: «Тут лично меня касается». И баба Дарья согласно кивала, она-то понимала, какие там слова написаны.

Выходя замуж за Пестрякова, ничего так не боялась Надежда, как встреч со старухой. Но как ни избегай, а в одной деревне, под одним небом — разве не встретишься!

В войну не стало свадеб. Такой-то женится — перебирается на жительство к такой-то или наоборот. Зарегистрировались — вот и семья. Даже словечко такое пошло: не женились, а сошлись...

Полмесяца прошло, как Пестряков жил у неё. Уже стал притупляться страх перед встречей, уже свободней ходила она по деревне, как вдруг на улице навстречу ей — баба Дарья...

Отнялись ноги со страху.

«Деточка, что же ты совсем меня забыла? — стала говорить старушка, поглаживая ладонью её рукав. — Люди врут бог знает что... Ведь врут же, проклятые. Ведь неправда?» Надежда смотрела в сторону, а баба Дарья всё гладила её рукав: «Зачем же ты в глаза мне не смотришь?»

И тогда Надежда не сказала, а крикнула: «Правда! Всё правда!» Но, сказав, она всё ещё продолжала стоять.

«А как же наш Серёжа? Или узнала что-нибудь о нём?»

«Что вы, баба Дарья! — тут и у Надежды слёзы брызнули. — Грех вам так говорить!»

«Так почему же ты... Почему?»

Ещё много дней потом слышался ей этот вопрос: «Почему?» За все годы Надежда больше ни разу не разговаривала с бабой Дарьей. Не однажды шарахалась за ближний угол, заметив старушку, запинаящуюся на каждой выбоине деревенской улицы... Серёжа, милый мой, простишь ли ты меня когда-нибудь?

Да, я виновата. Но послушай меня: девятнадцать лет мне тогда было, пустая, легкомысленная девчонка, за глупость той не может отвечать сегодняшняя взрослая женщина! Честно сказать, я даже не представляла, что так сильно и беззаветно люблю тебя. Это ведь я только сейчас поняла! А тогда была война, разлука, разве трудно сбиться с пути? Тебя-то ведь не было рядом! Ты оставил меня одну — слабую, безвольную. Разве одна я бросилась в те годы к случайному огню — от страха, от неверия в свои силы! Но и став женой другого, я ни на секунду не подумала о тебе плохо! Да, я виновата, но разве не сказано:

нет такого греха, которого не простил бы истинно любящий. А ты меня любил истинно. Я твоя любимая. С тех давних лет и навсегда! Я знаю: ты из однолюбов, которые до гроба остаются верны своей единственной. Потому ты и холостяк до сих пор. Сердце привело тебя в Арылах. Я — любовь твоя. Если другой и завладел моим телом — это всего только его вероломство! Ты не совершишь ничего предосудительного, протянув ко мне руки. Я — твоя единственная! Ты не мог забыть меня, как ни пытался. И теперь не пытайся бороться с сердцем, оно всегда победит. Я — твоя любимая!

Стучат? Ну, конечно же, муженёк. Судя по всему, явился сердитый.

Умылся, переоделся, сел за стол — всё молча.

— Где мальчик?

— Гуляет... — ответила Надежда смиренно.

— Девочка?

— У себя. Лира, иди обедать!

Некоторое время ели молча.

— Между прочим, этот ваш Аласов всё-таки изыскал способ прославиться. Наконец-то подвезло человеку! — В слова «этот ваш Аласов» Тимир вложил весь возможный сарказм.

Надежда невинно спросила:

— Чем же он прославился?

— Спроси у дочери. Лира, расскажи-ка...

Девушка передёрнула плечами.

— Не дёргайся! — вконец рассердился глава семьи. — Что за отвратительная привычка! Почему молчишь? Или Аласов не велел рассказывать родителям про свои художества?

— Тимир, как можно!

Тимир Иванович осёкся на полуслове, краска сошла с лица.

— Так какой же способ прославиться нашёл Аласов?

— А такой: подбил группу учеников идти к Кардашевскому, просить, чтобы после выпуска приняли их в колхоз. То он наотрез отказывается поддержать райком комсомола, а то в единоличном порядке быстро проворачивает дельце!

— Папа! Ведь не так было...

— Лира, помолчи, — оборвала её мать.

Девочка потупилась над тарелкой.

— Когда он осенью запретил собрание, я и подумать не мог, что тут просто ловкий ход. Ещё бы! Ведь тогда это была инициатива руководства школы и комсомола, а сейчас — мудрость одного человека. Воспитал, пробудил гражданское сознание и те де, и те пе...

— Неправда! — всё же не сдержалась Лира. — Папа, почему ты говоришь неправду?

— Твой отец лжёт? Или ты тоже записалась в колхоз?

Девушка вскочила с места.

— Лира, остановись! — приказала ей Надежда. — Тебя отец спрашивает.

— Не бойтесь, ещё не записалась!

— Что значит — «ещё»?

— А то! Мне стыдно за вас... Сергей Эргисович не сделал ничего плохого, а вы порочите его...

— Молчи, хотуой! — крикнул Тимир вслед дочери. — Ничего, мы ещё поговорим с ней. Едва ли девочка предпочтёт коровий хотон университету. Этот Аласов не одной нашей семье наделал бед. Представляю, в скольких домах сегодня такое же творится!

Он пытался говорить спокойно, но какой-то бес словно толкнул его под руку:

— Вот каким оказался твой хвалённый Аласов!

Надежда резко повернулась к мужу. Никогда раньше он не переступал запретной черты, не смел попрёкнуть её прошлым. При дочери она кое-как стерпела «вашего Аласова», но сейчас дала волю своему гневу.

— Мой Аласов? — переспросила она, сощурив глаза.

— Вот именно... — струсил Пестряков. — Я хотел этим сказать...

— Оглянись на себя! Ты не можешь навести порядка в школе, везде в дураках, со всеми переругался. А срываешь злобу дома! Наорал на ребёнка, выгнал из-за стола, поесть не дал...

— Кто выгнал, кто выгнал! — Он отбивался, как мог. — Ты же видела: нагрубила отцу, стала защищать этого проходимца...

— Глуп ты. Даже свою дочь не можешь понять... «Защищала, нагрубила...» Что же тут плохого, если ребёнок защищает своего учителя? И как девочке не сравнить его с родным отцом? Скандалишь, выпивать стал.

У благоприличного Тимира Ивановича глаза на лоб полезли, но Надежда решила его проучить полной мерой. Она хорошо изучила муженька и знала, как приструнить его в случае надобности.

— Едва поел, сразу спать на диванчик. Заведующий учебной частью! Кругозор не шире, чем у пастуха, даже в газеты перестал заглядывать.

— Ты... ты...

— Потерпи! От жены это не так больно. Вот когда на народе выскажут...

— Кто же это выскажет? Не Аласов ли, твой... ухажёр? — Пестряков, в свою очередь, попытался поддеть жену, но в горячке ничего умнее «ухажёра» не придумал.

— Да! Мой Аласов! Был бы моим, кабы ты не спутал мне ноги. Совратил девчонку, взрослый мужик, воспользовался военной бедой!

— Боже мой, я и в этом, оказывается, виноват... А ты думаешь, я без глаз? Думаешь, не вижу, как ты вокруг него вьёшься, как играешь, голубушка, своим хвостом? Так вот, — Пестряков широким жестом указал на дверь. — Можешь убираться к своему милому!

— И пошла бы! Только бы позвал.

— Не зовёт? Что же так?

— Эх ты, сордоох... Человек, укравший жизнь у меня... — И ушла в спальню, не оглянувшись.

Спокойно, Тимир Иванович, возьми себя в руки, разложи всё на элементы, проанализируй всё, ты же умеешь. Сколько раз трезвый разум тебя выручал! Аласов — вот куда сходятся все нити, какую ни тронь.

Бунт молоденькой учительницы Саргыланы Кустуровой с её «волшебниками» — Аласов благословил. Хлебнул ты позора с возвращением Макара Жерготова — затея Аласова. Раскритиковал доклад на последнем педсовете — Аласов дал сигнал. Нахов разошёлся вконец, сопляк Сектяев рвётся в драку, тихоня Майя Ивановна закатывает в учительской истерики... Всё Аласов!

И наконец, сегодняшняя новость, которую принёс в клюве Кылбанов. Оказывается, Аласов ходит по учителям и выспрашивает, что означает обилие отличных оценок в классных журналах, с чего вдруг такой бурный рост успеваемости. Тут Пестряков знобко поёжился.

Не так давно, явившись в школу пораньше, он сидел в одиночестве и листал классные журналы. Тройки, двойки, единицы — как воронья стая, куда ни глянь. Беда! Он ли не требует от учителей частых опросов, повторных и дополнительных уроков, подтягивания отстающих? Не хватало, чтобы передовая Арылахская школа с горы да в яму!

Чёрт возьми этого олуха Кылбанова, что у него творится в журналах, уму непостижимо — прорыв по всем классам! А куда смотрел завуч Пестряков? Кылбанов со своей лютой ненавистью к Аласову, кажется, нарочно всаживает десятиклассникам по физике кол за колом — хоть так насолить классному руководителю. Вот уж дурак-то, господи прости!

Пестряков листал журнал за журналом и не находил утешения. Вот ещё эта «золотая пара» — супруги Сосины! Как понахватали ребята единиц и двоек на контрольной, так весь срам и красуется до сих пор, Акулина, старая квочка, и не почесалась исправить дело.

Собрать педсовет и порку всем подряд! Впрочем, не надо сгоряча. Того и гляди, тебя самого выпорют... Куда надёжнее старое проверенное средство —

вразумительные беседы с каждым в отдельности, индивидуальный подход. В этом жанре Пестряков был мастер.

Кричать, скажем, на Кылбанова бесполезно — вернётся домой и настроит на тебя же очередной донос куда-нибудь в министерство, только и всего. Акиму Григорьевичу нужно посулить значок «Отличник народного просвещения», тут он всё сделает, в лепёшку расшибётся. Что касается Сосиных, то их следует как раз припугнуть: «Если успеваемость не улучшится, придётся прислушаться к голосу Нахова — он давно требует отстранить от работы неспособных...»

Выработав план действия, Тимир Иванович стал умело претворять его в жизнь — уже через неделю появились плоды, страницы классных журналов отразили на себе его усилия. Школа медленно, но верно выбиралась из прорыва. И как Аласов ни пытался охаять их за «процентоманию», факты и цифры, как известно, упрямая вещь!

Но тот не успокоился. Оказалось, по квартирам ходит, компрометирующие сведения собирает. В высшей степени неприятная новость.

Разведка уже произведена — Фёдор Баглаевич имел беседу с Аласовым, предупредил его. Пестряков умело накачал старика-директора, обработал его и грубым шерхебелем, и тонким скольльзящим рубаночком.

Поговорил Кубаров с любимым своим учеником. Не понял нашей доброты Аласов, не захотел понять. Что ж, пусть пеняет на себя, дальше будет проще: дадим тебе под зад коленом, да и только! Не таким обламывал рога Пестряков, не из таких боёв выходил победителем!

Ты ещё беспечен, Аласов, ещё любишь себя своим молодечеством, а между тем уже начертан тебе приговор: в Арылахе ты не жилец. Ты переступил границы дозволенного, попытался использовать в борьбе жену мою, дочь! Ведь всё, что происходит в последнее время с Надей, скандалы в семье — это опять-таки по твоей вине.

Правда, Аласов оказался холоден к своей юношеской любви. Настолько, что Пестряков (странно устроен человек!) даже пожалел Надежду. Острым своим умом, шестым чувством Пестряков понимал: сейчас нельзя выказывать ревности. Сам Аласов равнодушием своим её отрезвит. Вот тогда-то Надюшка и почувствует себя виноватой перед мужем, вернётся к нему душой!

Прогноз, увы, не оправдывался.

Тимир Иванович прислушался: из спальни доносились всхлипывания. Ничего, пусть поплачет! Не забывай, дорогая: ты моя жена, у нас с тобой дети. Скоро двадцать лет, как ты делишь со мной супружеское ложе. И до конца своих дней ты будешь моей женой!

— Папа, газетки пришли!

Тимир Иванович вздрогнул.

— Папа, почему мама лежит?

— Отдыхает.

— А Лира?

— Тоже отдыхает, деточка.

Он посадил мальчика на колени, крепко прижал к себе. Нет, никаким Аласовым никогда не разрушить его дом, его мирное счастье!

От детских ручонок, от тёплого дыхания словно выгорел недавний гнев Тимира Ивановича. Как бы ни клубились тучи над ним, сердце подсказывало: всё будет хорошо.

Хорошо... Но что она сейчас наговорила! «Ты украл у меня жизнь...» А ну, как уйдёт в самом деле? Пусть не к Аласову, а вообще — бросит дом, заберёт с собой ребятишек. Разве разводы редкость в наши дни?

От этой мысли Тимиру Ивановичу стало совсем плохо. Он живо представил себя одинокого, неухоженного, как он сидит за грязным столом в пустом доме. Эй, Аласов, слышишь ты меня, Аласов! Не будет по-твоему! Я терпел твои фокусы долго, но всякому терпению есть мера. Даже воробей за своё гнездо бьётся, как орёл. А я к тому же не воробей, Аласов! Могу тебя заверить.

Тимир Иванович сильнее прижал к себе ребёнка, словно боясь, что вот сейчас войдёт кто-то и отберёт его.

— Сыночек, кушать хочешь?

— Хочу, папа.

— Дорогой мой, пушистый...